

4. Земляробчы каляндар. Абрады і звычаі / уклад., класіф., сістэм. матэр. і камент. А.І. Гурскага; уступ. арт. А.І. Гурскага, А.С. Ліса. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 429 с.
5. Каляндарна-абрадавая паэзія / А.С. Ліс, А.І. Гурскі, В.М. Шарая, У.М. Савіцкі; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 515 с.
6. Кухаронак, Т.І. Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў / Т.І. Кухаронак. – Мінск : Ураджай, 2001. – 239 с.
7. Лозка, А. Беларуская батлейка. Каляндарныя і абрадавыя гульні / А. Лозка. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 183 с.
8. Новак, В.С. Лакальнае, рэгіянальнае, агульнанацыянальнае ў каляндарна-абрадавым фальклоры Гомельшчыны : дыс. ... д-ра філал. навук / В.С. Новак. – Гомель, 2002. – 200 с.
9. Романов, Е.Р. Беларуский сборник : быт белоруса / Е.Р. Романов. – Вильно, 1912. – Вып. 8.
10. Романов, Е.Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии / Е.Р. Романов. – Вильно : Русский Почин, 1911. – 239 с.
11. Соколова, В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. / В.К. Соколова. – М. : Наука, 1979. – 286 с.
12. Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / В.І. Басько [і інш.]. – Мінск : Вышэйш. шк., 2006. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне. – 608 с.
13. Шарая, В.М. Фальклорна-этнаграфічны комплекс Беларусі на Тройцу ў славянскім кантэксце. Агульнае і асаблівае / В.М. Шарая // Пытанні мастацтва, этналогіі і фальклорыстыкі : у 2 ч. Ч. 1 : Мастацтва, фальклор і этналогія / НАН Беларусі, ІМЭФ ; нав. рэд. А.І. Лаўкоўка. – Мн. : Беларус. навука, 2006. – 515 с.
14. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях / П.В. Шейн. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1877. – Т. 1. – 585 с.
15. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В.Шейн // Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях / П.В.Шейн. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1902. – Т. 3 – 535 с.
16. Шпилевский, П.М. Волочебники в Витебской губернии / П.М. Шпилевский // Русский дневник. – М., 1859. – № 101.

Наталья Мицкевич

ЭЛЕМЕНТЫ КАРНАВАЛИЗАЦИИ В ТРАДИЦИОННЫХ ЗИМНИХ ПРАЗДНИКАХ И ОБРЯДАХ БЕЛОРУСОВ

Как явление мировоззренческого характера, связанное с духовной жизнью белорусского народа, его бытом, устно-поэтическим творчеством, народные праздники, обычаи и обряды Беларуси с XIX столетия стабильно притягивали внимание учёных исследователей, в первую очередь – историков, этнографов, фольклористов, культурологов, аудиовизуальных антропологов. Уже пионер комплексных и дистанционно-корреспондентских исследований фольклора Беларуси выдающийся учёный П.В.Шейн собрал из разных регионов, основательно исследовал и опубликовал обширный материал, где были представлены подробные описания обычаев и обрядов белорусов [1, с. 38-221]. Много интересных материалов по календарным обычаям и обрядам Беларуси, особенно по народным праздникам, было опубликовано во второй половине XIX века в периодике губернских и, частично, епархиальных ведомостей. Они принадлежали М.Гашкевичу, П.Демидовичу, И.Ярошевичу, А.Васильевой, С.Карскому, А.Троицкому, М.Петрулану, А.Пщёлко [25]. С полнотой и последовательностью зафиксирован календарно-обрядовый комплекс в «Народном календаре» Е.Р.Романова [3, с. 67-281]. В нём по регионам систематизированы обычаи, обряды, песни, что дало возможность проследить распространение того или другого обряда по всей Беларуси. Литературовед, критик 1920-х годов М.М.Пиятухович в исследовании «Обычаи и песни белорусских крестьян в их хозяйственном труде» сделал вывод, что в обрядовой поэзии белорусов владычество земли выступает на первый план [4, с. 177]. П.М.Шпилевский исследовал белорусский фольклор, обрядовое творчество, прежде всего, как мифотворчество и мифологию. В исследовании «Беларусь в характеристических описаниях и фантастических сказках» [5] он объяснил происхождение не только отдельных элементов обрядности, но и их цикличность. Основательные материалы по колядным обычаям и обрядам собраны А.Шлюбским [6, с. 47]. Они предназначены для получения глубоких знаний в области белорусского фольклора.

Неоценимый вклад в исследование народной культуры внесли учёные Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Беларуси, представив книгу «Земледельческий календарь (обряды и обычаи)» [7]. В ней впервые наиболее полно дано описание традиционных обрядов и обычаев годового круга белорусского земледельческого календаря. Материалы, включённые в данное исследование, записаны этнографами и фольклористами в основном в XIX и XX веках. Эти материалы классифицированы учёным А.И.Гурским и А.С.Лисом.

В целом, автором статьи ставится следующая задача: из многообразия изученных народных праздников, обрядов и обычаев Беларуси, освещённых вышеназванными авторами, выделить и систематизировать элементы действ, которые являются исконно народной к а р н а в а л и з а ц и е й . Они, по

моему убеждению, и есть подлинная основа образного, праздничного аутентичного обрядового действия, которое мы особенно ценим и без которого не представляем себе зимние праздники Беларуси.

Праздничная культура карнавала представляется исследователям в виде обряда, обычая, ритуала, игры или более сложного церемониала. Карнавализация возникает там, где существуют духовные связи между людьми. Карнавал – это праздничное зрелище, массовое народное гуляние, где свобода и раскованность поведения, предусмотренные правилами карнавала, содействуют временной компенсации жёстких норм социального поведения, свойственных обычной жизни, а в определённом смысле и социальной интеграции общества.

Праздничная жизнедеятельность связана с идеальными стремлениями, с социальными переживаниями людей, их надеждами на лучшую и счастливую жизнь, которую они стремятся сделать кратковременной и даже эфемерной, но реальностью. Она связана с целым рядом жизненных, культурных и эстетических реалий, которые не существуют вне праздника (особенные обычаи, обряды, знаки, символы, а также жесты, насмешки, шутки, забавы) [8, с. 269].

Карнавал – это центр жизнедеятельности. Он эстетично организует время человека. Соизмеряя время с ритмом природы (космоса), карнавал вносит в него элементы полноты, целостности, гармонии и красоты. Основой этой целостности является гротеск. В нём совмещены элементы сатиры и фантастики, шаржа и условности.

Среди народных праздников зимнего цикла «колядный карнавал» (Каляды) наиболее щедро аккумулирует в себе ряд гротескных образов. У белорусов название «Каляды» закрепилось за периодом с 24 декабря по 6 января. Обряд колядования – это обычай переодевания, имеющий большое количество масок. Центральная маска – Коза или Козёл. Она была распространена не только в Беларуси, но и на Украине, в России, Молдавии, Чехословакии, Болгарии... Козу наряжали следующим образом: шубу, вывернутую овчиной наверх, одевали одним рукавом на конец дуги, которая устанавливалась выпуклостью вниз. Рукав завязывали таким образом, что он служил шеей и головой, к которой прикреплялись рога из соломы или осоки. К другому концу дуги привязывали хвост, тоже сделанный из соломы. Парень, невысокого роста, ловкий танцор, залезал под шубу и исполнял роль Козы [9, с. 22]. В том виде, в котором обряд Вождения Козы дошёл до нас, он является не столько обрядовым действием, сколько бытовой игрой забавой.

Маску Деда, которая имела большое значение, делали следующим образом: парня или мужчину высокого роста одевали в старую одежду, на спине делали горб, прикрепляли льняную бороду, в руки давали большой посох. В свите, которая сопровождала Козу, была также и Молодушка. Щуплого парня одевали в женскую одежду: рубашку с вышитыми рукавами, на шею вешали украшения, на голову повязывали платок... [9, с. 22]. Вся эта маскарадная забава имела шуточно-весёлое карнавальное настроение. Об этом свидетельствуют праздничные маски, которые присутствуют в колядном карнавале: Офицер, Госпожа (Барыня), Торговец, Цыган, Еврей, а также маски животных.

Кукольный театр-батлейка играл немаловажную роль в карнавализации. «Хождение со «звездой» и батлейкой начиналось с вечера 25 декабря и продолжалось до Нового года. В репертуаре батлейки были кукольные представления на библейские сюжеты: «Царь Ирод» и др. В XVIII в. батлеечный театр проявлял себя как часть карнавальной культуры. В первой части батлеечного представления показывались библейские сюжеты, во второй, интермедии, комедийные сценки. Популярности батлейки содействовала и специфика показа самого представления. Она заключалась в том, что куклы, внешне весьма выразительные, но малоподвижные, примитивно отражали действие. Главным является текст, который произносил батлеечник-импровизатор. Актёр за всех пел, говорил и пританцовывал. Он исполнял интермедии в зависимости от социального состава зрителей. Делая купюры, батлеечник расширял или уменьшал количество интермедий, которые усиливали или приглушали социальные оценки. Среди героев батлейки следует назвать Мужика, который под разными именами высмеивал своих извечных врагов – Шляхтича, Лекаря, Чёрта и других. Среди кукольных персонажей следует отметить яркий гротескный образ Вожатого с медведем, которого в начале XX века называли не иначе, как «Сморгоньский учитель с учеником» [10, с. 82].

Колядное переодевание из обрядового действия превращалось в весёлую, праздничную игру, наполненную гротескными образами. Немаловажную роль в колядном переодевании играли всевозможные забавы. Так, в Могилёвской губернии была весьма распространена театрализованная игра, которая носила ярко выраженный карнавализованный характер. В свите Козы одну из главных ролей играл Щедрец – тот, кто собирал и дарил подарки. Накануне праздника собиралась большая группа парней, известная под названием «щедрующие гости». Она состояла из музыкантов, запевал, вожатых. Щедрцу одежду подбирали в зависимости от роли... Если он хотел выглядеть старым дедом, то одевался в одежду, обвешанную разными колокольчиками, рваными лохмотьями и длинными взлохмаченными волосами. На голову ему надевали шапку из блестящей бумаги, на лицо-маску: красные щёки и длинный нос. Волосы делали из льна, а на спину под верхнюю одежду подкладывали различный хлам, делая, таким образом, горб [11, с. 79]. Как гротескный образ, Щедрец демонстрировал свои пародийные штучки с Козой в сопровождении музыкантов и певцов. Вся эта группа, двигаясь по улицам, останавливалась у каждого дома и называла всех на колядный карнавал.

Итак, колядная карнавализация имеет свои особенные черты: во-первых, она включает в себя рождение маски, обычай переодевания, создания куклы; во-вторых, объединяет обряд колядования с хождением колядных групп по домам, где посредством песен, танцев, угощений раскрывает возвышенные принципы карнавального искусства. Все эти принципы создания колядного карнавала были профессионально

продемонстрированы при постановке народного праздника «Коляды» в городе Светлогорске, осуществлённой в 1990-х главным режиссёром П.А.Гудом и музыкальным руководителем О.М.Олехновичем. Время приглушило извечную привлекательность народных праздников, загубило их духовный свет, напластовывая на первобытное волшебство идеологическое убожество. Суть постановки – организация традиционных колядных форм, пришедших к нам из прошлого, в народный праздник. Режиссёр-постановщик народного карнавала П.А.Гуд, чувствуя дух времени, тонко коснулся духовных истоков народа. Не разрушая веками созданную народную культуру, он создал праздничную ситуацию, при которой колядный карнавал засиял неповторимыми красками. Открывала карнавал торжественная кавалькада. Ритмическая музыка, пение щедровок, потехи зазывал рушили стены взаимного отчуждения людей. Музыка выполняла своё главное назначение – она была средством активизации зрителя. Рождался фактор чистосердечности и непосредственности. Особенно эмоционально насыщенным было представление ряженых. Маски, украшенные колядной звездой, создавали палитру движения. Наряды ряженых носили явно бурлескный характер: цветные парики, пёстрые маски, головные уборы, сделанные из соломы, расшитый детализованный костюм. Ритуальное Вождение Козы исполнялось среди зрителей, которые, благодаря музыкантам, становились участниками действия. Всё было пропитано народным духом, любовью людей друг к другу, уважением к своим корням и радостью бытия.

Среди народных праздников зимнего периода у белорусов ярко выраженный карнавализованный характер носила Масленица. Этому празднику были свойственны ряженые, мистификации, игры шутов. По типологии М.М.Бахтина Масленицу можно отнести к тем праздникам карнавального типа, обрядово-зрелищным формам быта, которые допускают «словесно-смеховые (также пародийные) произведения разного рода, всякие формы и жанры фамильярно-площадного языка» [12, с. 7; 15]. Любой банкет, особенно во время масленичных торжеств, включал в себя элементы, имеющие карнавальную направленность. Каждый гость мог явиться ряженым – Дедом, Турком, Медведем, Цыганом, затем стать зрителем и забавляться выступлением шутов и фокусников. Они могли представить себя исполнителем – станцевать традиционный «Казачок», проплыть в «Полонезе», вызвать смех, рассказав басню, и снова превратиться в слушателя [13, с. 92]. Настроение «зритель-актёр» было естественным для участников банкета. Гости на подобных празднествах заканчивались «виватами» – сигналами труб и фанфар. Своеобразным спектаклем были и сам стол, на котором декорированные блюда соперничали с рафинированностью форм посуды, приборы и бокалы, изображающие музыкальные инструменты (трубы, валторны), имитирующие оружие (пистолеты, булавы)... Были случаи, когда вино било на столе из фонтана, а между тарелок с едой просматривались гипсовые статуэтки. Еда не только насыщала, но и поражала гостей своим вкусом, цветом, формой, совмещением несовместимого [14, с. 214]. Во время масленичных пиршеств имели место элементы карнавализации, которые придавали развлечениям особый колорит и создавали праздничную ситуацию.

Масленица стоит на рубеже двух циклов. Название «Масленица» произошло от слова «масло». За неделю до начала Великого Поста белорусы переставали есть мясо. Именно в это время столы ломились от молока, рыбы, яиц, блинов. Название «Масленица» имеет не только народный праздник, но и его воплощение – смешное чучело. Однако в больших городах масленичный карнавал утратил свою значимость. Тем не менее, в деревнях продолжают жить старые традиции; так праздник всегда начинается встречей «Масленицы» – чучела из соломы и тряпок, убранного в женскую одежду. Масленичное чучело – главный момент карнавализации в празднике. Случалось, что роль «Масленицы» играл человек, тогда на него надевали старую рваную одежду и разрисовывали щёки. «Масленицу» возили на санках, а за ней с гамом, танцами и смехом бежал народ. Чучело выносили за деревню и там уничтожали: чаще сжигали, иногда топили, разрывали на части. Масленичные костры разжигали в конце праздника – это называлось «жечь Масленицу». Уничтожение обрядового чучела, издевательство над ним являлось основой масленичной карнавализации. Чучело провожали с необычным гомоном, кривлянием и притопыванием. Это было шутовское действие, где чучело «Масленицы» воспринималось как карнавальная маска. После этого заключительного аккорда масленичный карнавал завершался «всеобщим прощением». Люди просили друг у друга прощения за все обиды, а потом в знак примирения – целовались.

Необходимо отметить, что у белорусов Масленица включает в себя элементы карнавализации, отличающиеся особой непохожестью и неординарностью. Масленица воплощает в себе космогоническое обновление. В этом смысле все масленичные розыгрыши, вольности и комедиантские похороны кажутся отражением первобытного хаоса, который нужно «утихомирить», чтобы обеспечить цикличное обновление мира, а традиционное «прощение», которое завершает карнавал, возможно, восходит к стремлению найти чистоту, свойственную первородному настрою Вселенной.

Таким образом, анализирую элемент карнавализации в зимних праздниках и обрядах календарного цикла, необходимо отметить, что они включают в себя создание определённых форм гротескной образности, которые не только раскрывают богатейший пласт народной культуры белорусов, но и являются основой создания уникального праздничного действия, способствующего точному восприятию идеи.

Список литературы:

1. Шейн, П.В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П.В. Шейн. – СПб., 1874. – С. 38–221.

2. Гашкевич, Н. Шедрец / Н. Гашкевич // Могилёвские губернские ведомости. – 1852. – № 11; Демидович, П. Рождественские святки / П. Демидович // Виленский вестник. – 1894. – № 277, 281; Ярошевич, И. Статистико – этнографические сведения о Бельском уезде Гродненской губернии / И. Ярошевич // Гродненские губернские ведомости. – 1848. – № 20 – 22; Васильева, А.Я. Рождественские праздники у крестьян Мозырского уезда / А.Я. Васильева // Минские губернские ведомости. – 1878. – № 5; Карский, С. Пасха у белорусов Виленской губернии / С. Карский // Виленский вестник. – 1891. – № 110, 112; Пшелко, А. Зажинки и обжинки / А. Пшелко // Витебские губернские ведомости. – 1903. – № 207, 240, 283.
3. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Вильно, 1912. – Вып.8. – С. 67 – 281.
4. Пятуховіч, М.М. Звычאי і песні беларускіх сялян у іх гаспадарчай аснове / М.М. Пятуховіч // Польша. – 1928. – № 3. – С. 177.
5. Шпилевский, П.М. Беларусь в характеристических описаниях и фантастических её сказках / П.М. Шпилевский // Пантеон. – СПб., 1853. – Т. 8, 9, 10, 15; 1856. – Т. 25.
6. Шлюбскі, А. Матэрыялы для вывучэння мовы і фальклору Віцебшчыны / А. Шлюбскі. – Мінск, 1927. – Ч. 1. – С.47.
7. Земляробчы каляндар (абрады і звычאי) / АН БССР, ІМЭФ ; склад.: А.І. Гурскі, А.С. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990.
8. Эстетика : словарь / под общ. Ред. А.А. Беляева и др. – М. : Политиздат, 1989. – С. 269.
9. Земляробчы каляндар (абрады і звычאי) / АН БССР, ІМЭФ ; склад.: А.І. Гурскі, А.С. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – С. 22.
10. Барышев, Г.И. Театральная культура Беларуси XVIII в. / Г.И. Барышев. – М. : Наука и техника, 1992. – С. 91.
11. Земляробчы каляндар (абрады і звычאי) / АН БССР, ІМЭФ ; склад.: А.І. Гурскі, А.С. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – С. 79.
12. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1965. – С.7,
13. Барышев, Г.И. Театральная культура Беларуси XVIII века / Г.И. Барышев. – М. : Наука и техника, 1992. – С. 92.
14. Мальдзіс, А.І. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя / А.І. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 1982. – С. 241.

Ирина Коновальчик

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ТАНЦЕВАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННОЙ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

(на примере женской лексики)

Говоря об отечественной современной сценической практике и интерпретации в ней танцевального фольклора, мы ограничим область проблемного поля до жанра народно-сценического танца, ввиду того, что понятие «сценическая практика» охватывает достаточно широкий спектр направлений в белорусском хореографическом искусстве. Сегодня мы наблюдаем включение танцевального фольклора в балетные спектакли; уверенно завоевывает популярность молодое и неоднозначно понимаемое направление современного танца «фолк-модерн»; эстраднему танцу также не чуждо использование элементов белорусского фольклора. Нам представляется интересным проанализировать изменения, происходящие в лексическом фонде народно-сценического танца, так как именно здесь фольклорный танец был положен в основу деятельности, и создан, по сути, новый жанр хореографического искусства.

Передаваясь из поколения в поколение, танцевальный фольклорный материал подвергался жесткому отбору, переработке и трансформации. Так как до конца XIX века незафиксированность хореографического текста не позволяла сохранять основной объем танцевальных фольклорных образцов, важнейшим регулятором отбора становилась моторная память человека. Она удерживала самые яркие и выразительные музыкально-ритмические формулы, пластические мотивы, характеризующие определенные жанры и именно те движения, которые приносили удовольствие с эстетической точки зрения, слыли гармоничными и удобными в исполнении. «Вот почему, говоря о лучших фольклорных образцах, мы употребляем, как правило, превосходные оценки, говорим об отшлифованной веками красоте и мудрости» [1. с. 306].

За годы исследования и выхода танцевального фольклора из бытовой среды на сценические подмостки балетмейстерская практика выявила и разработала свои методы работы с фольклорными образцами: обработка, разработка, стилизация и театрализация. Каждый из этих способов обладает своей спецификой, позволяющей воссоздавать, сохранять и возвращать аутентичные образцы, интерпретируя определенные основы без искажения их сущности. Такая исследовательская работа с танцевальной аутентикой остается актуальной и по сей день, но сегодня интерпретация фольклора в народно-сценическом танце приобрела новые черты.

Общеизвестно, что каждый вид хореографического искусства находит свое выражение в определенной танцевальной технике, которая основывается на подходе к осмыслению движения. Такой принцип позволяет сохранять определенные различия в танцевальных системах и апеллировать особым набором выразительных средств, характеризующим то или иное направление танцевального творчества.